
ЭССЕ

СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА: СМЫСЛ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕОРГАНИЗАЦИИ

*Черняков Сергей Феликсович – к.и.н.,
заместитель директора школы*

В 2011–2012 учебном году вал реформ в сфере образования приблизился к своему апогею – началась

так называемая реорганизация школ, а на деле слияние, создание гигантских образовательных комплексов, которые поглощают все входящие в них образовательные учреждения. Еще весной 2012 г. в Москве речь шла о закрытии 82 школ, не сумевших набрать на будущий учебный год ни одного первого класса. Но уже осенью того же года, по официальной информации Департамента образования, в городе создано 255 образовательных комплексов, в которые вошли (то есть прекратили свое существование) 684 образовательных учреждения¹. И это только начало. Слияние школ идет лавинообразными темпами. Сейчас готовится практически полное объединение всех оставшихся государственных школ к следующему учебному году.

Многочисленные обращения родительской общественности на сайтах и форумах, непосредственно в Департамент образования о незаконности, неправомочности подобных действий абсолютно понятны. Но, к сожалению, в такой же степени и наивны. Совокупность соответствующих законов настолько противоречива, расплывчата и казуистична, что там, где чиновникам путем административного принуждения, закулисных игр, подтасовок, посулов и угроз не удастся добиться нужного решения о «добровольном» слиянии образовательных учреждений, руководители образования открыто объясняют недовольным, «кто в доме хозяин». «В соответствии с действующим законодательством реорганизация бюджетных или казенных учреждений субъекта Российской Федерации может быть осуществлена по решению его учреждений»².

Механизм объединения «снизу» путем прямого диктата, снятия тех руководителей образовательных учреждений, кто хоть как-то сопротивляется или сомневается, создания проблем с финансированием, аттестацией и лицензированием для несогласных, пресования самыми различными способами педагогов и родителей для оформления соответствующих решений через педагогический коллектив и управ-

¹ Лемуткина М. Плохие школы поглотятся хорошими // Московский комсомолец, 29 марта 2012; О реорганизации (слияние, присоединение) государственных бюджетных образовательных учреждений // http://zouodo.ru/events/fulltext/noyabr1/o_reorganizacii_sliyanie_prisoedinenie_gosudarstvennyh/

² <http://www.educom.ru/ru/Appeals/index.php?dayt=10.10.2012>

ляющий совет, подтасовок волеизъявления родителей и педагогов подробно освещен в СМИ³.

При этом аргументация чиновников представляет собой, по сути, отсутствие всякой аргументации. Если раньше, при введении так называемой инновационной деятельности, проектов, стандартов и т. п., прослеживались хотя бы элементы образовательной концепции (пусть и ошибочной), отдельные зерна рациональности, постулаты, которые можно оспорить на профессиональном, методологическом уровне, то пресловутое слияние школ не содержит ни первого, ни второго, ни третьего.

Вот как объясняет необходимость объединения один из организаторов и инициаторов этого начинания руководитель столичного Департамента образования И. Калина: «...Формирование таких образовательных комплексов, чтобы каждая семья рядом со своим домом могла получить качественные образовательные услуги для всех своих детей... То есть если в семье есть и дошкольники, и школьники, то для нее подойдет школа с дошкольным отделением... Если у одного ребенка склонность к математике, а у другого – к литературе, то в большом образовательном комплексе могут быть и математический, и филологический профиль. <...> Словом... нужно, чтобы вблизи места, где проживает семья, был мощный образовательный комплекс, в котором каждая семья будет иметь возможность... получить все разнообразие... образовательных услуг»⁴.

Получается, детские сады и школы (в том числе, гимназии и лицеи), находящиеся в шаговой доступности, не давали «качественного образования», а после того как они сольются в «образовательный комплекс», то, как по мановению волшебной палочки, образование сразу станет качественным. А разве в стандартных, а тем более специализированных школах сегодня нет профилей различной направленности? Кроме того, «разнообразие образовательных услуг» дает система дополнительного образования, которая сейчас целенаправленно разрушается.

Объединение школ, создание огромных комплексов не имеет под собой никакой образовательной концепции. Где эксперимент по внедрению данных идей, демонстрирующий их успешность? Где пошаговая программа объединения, показывающая, какими средствами слабые школы внутри конгломератов подтянутся хотя бы до среднего уровня, а сильные – не растеряют своих положительных составляющих? Наконец, где научное обоснование, что именно крупные образовательные комплексы

³ См., напр.: Калинина Ю. Сливаем детей ради слияния школ // Московский комсомолец, 22 мая 2012; Лемуткина М. Школу принудили к соитию // Московский комсомолец, 27 октября 2012; Объединение школ // Отзывы о школах Москвы // <http://www.s-cool.ru/>

⁴ Калина И. Учитель завтрашнего дня – тот, кто знает прогноз на будущее // Учительская газета, 16 октября 2012.

с несколькими тысячами учащихся педагогически эффективнее относительно небольших школ?

А зарубежный опыт, на который любят ссылаться наши реформаторы, неутешителен. В 70-е годы XX века в одном из американских мегаполисов создали школьные конгломераты, оснастив их самым современным оборудованием (от бассейнов до лабораторий). Появилась возможность маневрирования людьми и материальными ресурсами. В итоге школы-гиганты превратились в педагогические джунгли с господством отчужденных, формализованных отношений, процветанием подросткового насилия и презрения к учебе⁵.

На самом деле эффективность данного проекта заключается в его не образовательной, а *экономической* составляющей. Именно в таком контексте логика действий властей предельно понятна и проста. Дело здесь заключается не только в упрощении распоряжения и контроля над финансовыми потоками для школ (ремонт и оборудование, программное обеспечение и учебники, питание и охрана и т. п.). (То есть под разговоры о «финансовой самостоятельности» образовательные учреждения становятся еще более зависимыми – экономически, а значит, и политически, идеологически, – от управляющих органов.)

Объединение школ для власти было бы бессмысленным занятием при сохранении прежних объемов финансирования. Действительно, какая разница, выделять средства на определенное (константное) количество педагогов и специалистов, классов и учащихся в них в разные учебные заведения или в одно – притом что материально-техническое обеспечение потребуется практически в таких же объемах, как это было, когда школы существовали по отдельности. Простейшая арифметика подсказывает, что объединение слагаемых в сумму может уменьшить эту сумму только в том случае, когда сами слагаемые будут уменьшены.

Уже сейчас там, где произошло слияние, многие учителя и администраторы теряют работу. А положение детей с повышенной учебной мотивацией существенно ухудшилось⁶. Идет активное сокращение психологов, логопедов, педагогов дополнительного образования. *А это возможно только при «уплотнении», объединении классов и групп, запредельном увеличении педагогической нагрузки у остальных учителей и административной – у управляющего персонала.* В обозримом буду-

⁵ См.: Русаков А. Эпоха слияний и поглощений // Первое сентября, 12 января 2013.

⁶ Столичные педагоги увольняются из-за новой системы оплаты труда // http://pedagog-prof.org/index.php?option=com_k2&view=item&id=239; Петиция педагогической общественности к руководству страны // <http://www.change.org/ru/петиции/защитить-школы-для-детей-с-особыми-образовательными-потребностями>; Сгибнев А. Школы должны быть разными // http://scepsis.ru/library/id_3335.html

щем согласно так называемой дорожной карте развития образования, утвержденной правительством в декабре 2012 г., планируется увеличение нагрузки учителей примерно на 20% и рост количества часов за ставку заработной платы. При этом общее количество учителей в стране планируется сократить на 87 тысяч⁷.

Прежде всего, объединению подвергнутся группы учащихся по 8–12 человек, характерные для коррекционных школ надомного обучения, и группы по 15–20 учащихся, обучающихся, как правило, в специализированных школах для одаренных и мотивированных детей. Ибо они – главный источник «недозакономии» в условиях подушного финансирования. Соответственно, симметрично сократится число педагогов, классных руководителей и воспитателей, работавших в этих классах и в этих школах. А наряду с сокращением и уплотнением групп продленного дня, кружков и секций дополнительного образования экономия получается достаточно существенная.

Таким образом, объединение школ приведет к серьезному изменению штатного расписания, а конкретнее – сокращению в нем ставок педагогов, администрации и специалистов, работающих уже в образовательном «холдинге»; увеличению наполняемости классов и групп для дополнительных занятий.

Такая «оптимизация» – не просто механическое слияние классов и учеников. Реорганизация, а точнее – ликвидация специализированных школ приведет и к ликвидации их специфики. А эта специфика заключается, в первую очередь, в наличии нетипичных учебных планов с дополнительными часами на индивидуальную работу, спецкурсы, научные исследования и т. п.

И когда адепты реформ разглагольствуют о том, что и в массовой многотысячной школе возможны «оригинальные спецкурсы, индивидуальные учебные планы, самостоятельные исследования, групповые занятия, различные творческие проекты»⁸, то лукавства в этих словах больше, чем непонимания.

Что касается «самостоятельных исследований и различных творческих проектов», то в предыдущей статье я анализировал их, в значительной мере, иллюзорность и эфемерность, дискретность и содержательную выхолощенность⁹. Такими «проектами» действительно можно заниматься в рамках громадной школы. Индивидуальные учебные планы на класс и даже на группу (в зависимости от профиля), групповые занятия на спецкурсах или, скажем, при подготовке к экзаменам тоже возможны. *Невозможно только дать качественную подготовку, вести действитель-*

⁷ Это даже не децимация // <http://unionofschools.livejournal.com/10934.html>

⁸ См., напр., рассуждения директора ЦО № 548 Е. Рачевского // <http://www.pravmir.ru/efim-rachevskij-shkoly-dlya-osobyx-detej-budut-finansirovatsya-kak-i-ranshe/>

⁹ Черняков С. Современная школа: парадигма содержания образования // Альтернативы. 2012. № 4.

но индивидуальную работу с учащимися в рамках больших, переполненных классов и групп. Дополнительные учебные занятия, специальные курсы и проч. являются вспомогательным инструментом образования, а его основой был, остается и будет урок...

Проанализируем последствия политики школьной гигантомании для разных типов образовательных учреждений.

Школы для одаренных детей

Формально в новом законе «Об образовании» предусматривается возможность создания школ для одаренных детей. Однако в условиях печально знаменитого ФЗ-83 эта возможность в подавляющем большинстве случаев так и останется возможностью, чистой абстракцией, ибо подобные нетиповые школы при «подушном финансировании» просто не выживут.

Многие гимназии, лицеи, специальные школы для продвинутых детей, при всех своих недостатках (вытекающих из общей модели образования в стране), до сегодняшнего дня все-таки оставались не только витриной, но и вершиной российского образования. За счет наличия энтузиастов своего дела, профессионалов высокого уровня, специально отобранных (с точки зрения одаренности и мотивации) детей пагубные явления современной школы существуют в них значительно в меньшей степени, чем в образовании в целом.

Нынче, уничтожая эту систему более качественного образования, чиновники приводят аргументы о том, что огромное количество лицеев и гимназий имеют свой статус формально, и никаким высоким потенциалом, а тем более уникальностью деятельности этих школ не отличается. И это абсолютно правильно!

Но позвольте спросить: во-первых, кто создавал, открывал, пропагандировал эти липовые гимназии и лицеи; кто преподносил их «достижения» в качестве фактов успешного продвижении реформ и инноваций в образовании? Во-вторых, даже если значительная часть таких учебных заведений не соответствует своему статусу, то необходимо разобраться с ними, а не ликвидировать десятилетиями апробированную и положительно зарекомендовавшую себя систему в целом. Иначе говоря, если среди россыпи замечательных книг встречаются (и нередко!) низкопробные фолианты, то вовсе не стоит следовать фамусовскому пожеланию «забрать все книги бы да сжечь».

При объединении школ выстроенная система образования и управления в таких образовательных коллективах рухнет. Точнее, не будет уже самих коллективов. В условиях ликвидации (или значительного сокращения) специальных учебных планов для одаренных детей оставшимся квалифицированным преподавателям предложат дополнительно взять обычные классы. А самое главное – лицейские и гимназические классы «солятся» с детьми из средних общеобразовательных школ (хорошо еще,

если действительно средних, а не откровенно слабых, коих в образовательной системе огромное множество). Соответственно, педагоги с более низкой квалификацией будут обучать в том числе и одаренных детей.

Конечно, в программах и учебных планах напишут всякую наукообразную, высокопарную туфту, но в реальности это будут программы для *средних общеобразовательных* школ, как бы образовательные комплексы ни назывались в дальнейшем. Ибо дети с низким и средним уровнем подготовки, мотивации, способностей в обозримом будущем (а многие – никогда) не смогут освоить программы, предназначенные для одаренных детей. С другой стороны, потребность в знаниях и общий уровень подготовки у детей из спецшкол совершенно иные, и стандартное образование удовлетворить их не может.

Отдельные индивидуальные, групповые занятия, индивидуальный подход к ребенку, как я уже констатировал, ничего не изменят. Специальные школы с небольшой наполняемостью классов создавались для способных, продвинутых детей не спонтанно и наобум, а, в отличие от сегодняшней объединительной лихорадки, научно обоснованно: обоснованно педагогически, психологически, физиологически. Школы для одаренных детей со всеми их составляющими – это годами выверенные на практике условия, при которых задатки неординарных учеников могут превратиться в нечто большее. Уничтожая эти условия, уничтожают сами предпосылки, основы роста таких детей!

Помимо вопросов содержания образования нельзя сбрасывать со счетов и социально-психологическую составляющую «интеграции». Дети из спецшкол росли, обучались и формировались в иной, значительно более адекватной и благоприятной для получения качественного образования социальной и культурной среде. Это замечание относится как к их школам, так и к семьям, окружению, традициям, воспитанию и т. д. В условиях смешивания этих детей с другими и даже совершенно другими по всем вышеобозначенным признакам учащимися социально-психологические условия обучения значительно ухудшатся.

Как детям, нацеленным на учебу, заниматься в одном классе, к примеру, с теми, кто на уроках разговаривает, шумит, паясничает?! Как учителю, даже с высочайшим уровнем квалификации, научить ребенка не только программе, но и дать ему индивидуально больше среднего уровня, если одновременно, разрываясь на части, он должен тратить время, энергию и силы на тех, кого, вопреки их желанию, надо довести хотя бы до минимального уровня и при этом сделать все возможное и невозможное, чтобы они не мешали учиться остальным?!

Падать всегда легче и быстрее, чем подниматься. Дурной пример и негативный опыт в детском и подростковом возрасте особенно заразительны. И не приходится сомневаться, что именно способные дети, составляющие подавляющее меньшинст-

во в образовательных комплексах, «ассимилируются» общей массой, и маленькие «звездочки», увы, навсегда погаснут.

Коррекционные школы

Такие учебные заведения делятся, как правило, на два типа: школы для детей с тем или иным серьезным отклонением в здоровье (школы надомного обучения) и школы, предназначенные для подростков со значительным нарушением социализации (девиантным поведением).

В школах надомного обучения учатся дети с ДЦП, онкологией, эпилепсией, пороками сердца, сахарным диабетом, бронхиальной астмой, значительным снижением иммунитета и другими серьезными заболеваниями. Многие из них имеют инвалидность. Такие дети в зависимости от заболевания могут заниматься в небольших классах, группах или индивидуально (как в школе, так и на дому). При такой схеме педагоги имеют реальную возможность не только варьировать свою деятельность в зависимости от трех видов учебных планов (для классно-урочной, групповой и индивидуальной форм обучения), но и обеспечивать по-настоящему индивидуальный подход к ребенку, исходя из его заболевания, накладывающего колоссальный отпечаток на учебные возможности и психосоциальные качества.

Все разговоры об инклюзивном обучении детей-инвалидов, в лучшем случае, – благостная чушь¹⁰. Во-первых, за последние два десятилетия агрессия, нетерпимость, нравственная распущенность и жестокость поднялись в российском обществе, в том числе среди подрастающего поколения, на такую высоту, что легко представить какие, в лучшем случае, насмешки и отчуждение, а в худшем – травлю и издевательства испытают дети в обычных массовых школах. Вместо социализации посредством подготовки в благоприятных условиях вхождения в «большое» общество дети-инвалиды, без адаптации брошенные в другой мир, рискуют оказаться в нем изгоями.

Во-вторых, дети с ограниченными возможностями здоровья еще в большей степени, чем одаренные ученики, нуждаются во внимании со стороны педагогов и специалистов, тепле, заботе, особой домашней атмосфере в школе. Естественно, что гигантский образовательный конгломерат таких условий детям с ОВЗ предоставить не может.

¹⁰ Причем реальная политика управленцев прямо противоположна формированию даже основ какой-либо инклюзивности. В новый закон «Об образовании» не вошло предложение оппозиции о предоставлении бесплатной коррекционной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья в раннем детском возрасте (общемировая практика, которая потом позволяет развивать инклюзивное образование.) А сокращение специалистов в школах наносит удар по инфраструктуре такого обучения.

В-третьих, слияние таких детей в классы с обычными, даже воспитанными и толерантными, сверстниками практически лишит больных ребят самой возможности обучения. Ибо они физически не могут работать в темпе обычных учащихся, заниматься в большой аудитории, нести колоссальные перегрузки школьной программы, которые часто не под силу даже их относительно здоровым сверстникам. (Даже при том, что большинство детей с ОВЗ имеют сохраненный интеллект и значительные творческие способности.)

А как быть детям, которые в силу заболевания просто не могут посещать школу (как правило, это инвалиды-колясочники)? Для них предусмотрена в основном дистанционная форма обучения. А это означает, что

– эффективность образования таких детей без личного контакта с преподавателем при достаточно низком уровне их самоорганизации и самоконтроля значительно снижается;

– систематическое длительное нахождение у монитора компьютера подрывает и без того слабое здоровье детей¹¹;

– виртуальное образование и коммуникации только сужают и без того невысокие возможности социальной интеграции этих учащихся.

Причем реорганизация школ надомного обучения происходит на фоне неуклонного роста числа больных детей. По данным на 2010 г., только детей-инвалидов (не считая больных детей с ОВЗ) в стране насчитывалось 545 тысяч¹². А с учетом устойчивого ежегодного роста их количества нетрудно предположить, что сейчас эта цифра увеличилась.

Что касается закрытия, перепрофилирования и прочих типов ликвидации школ для трудных подростков, учащихся с девиантным поведением, то опасность таких шагов будет проецироваться не только на этих детей, но и на общество в целом. Школы данного направления создавались с ясным пониманием идеи, идущей еще от А. С. Макаренко: социально запущенные, трудные подростки имеют шанс на реабилитацию только посредством особого воспитания и образования (в специальных учебных заведениях), в основе которых лежит трудотерапия. В наших условиях тотального аморализма и правовой вседозволенности это замечание как никогда актуально. Например, за убийство 12–13-летние подростки иного наказания, чем помещение в специальные закрытые школы, нести не могут.

¹¹ По нормам СанПиН, даже среднестатистическим, условно здоровым школьникам можно проводить за компьютером от 15 минут в начальной школе до 50 – в старшей. А у большинства детей-инвалидов – серьезные нарушения центральной нервной системы и проблемы со зрением. При дистанционной же форме обучения им придется проводить за компьютером как минимум несколько часов в день!

¹² Народное образование. 2012. № 4. С. 182.

Уничтожение данных спецшкол приведет к тому, что асоциальные подростки окажутся в обстановке практически полной вседозволенности, без малейших возможностей реабилитации, когда на их пути будут только более серьезные рецидивы, а в конце «туннеля» – тюрьма. Но это еще не все. Такие «детки» сядут в обычные школы за одни парты с обычными детьми. Понятно, каким «жизненным опытом» они поделятся со своими сверстниками; какой станет атмосфера в классе, в школе, жизнь одноклассников и деятельность педагогов.

Общеобразовательные школы

Общеобразовательные школы (к которым можно отнести также центры образования и другие образовательные учреждения, имеющие на бумаге «статусный» тип, но по существу ничем не отличающиеся от обычных средних школ) условно можно разделить на три категории: откровенно слабые, действительно средние и относительно сильные.

Первоначально, еще несколько лет назад, речь шла о ликвидации слабых школ, контингент которых в силу их неуспешности по различным параметрам неуклонно снижался из года в год. Однако даже если бы в действительности ставилась цель подтягивания школ-аутсайдеров до общеобразовательного уровня, то для начала «объединителям» следовало разобраться в причинах появления слабых школ.

Такие школы, наводненные плохо говорящими по-русски мигрантами, начинающими отморозками, контингентом в целом, который по-честному не только не пройдет никакую аттестацию, но вряд ли напишет предложение без ошибок, появились не вдруг и не вчера. Именно руководящие органы образования, ставя на должность своих некомпетентных клеветников, раздавая им звания и награды и обеспечивая тем самым себе полную лояльность и дополнительные источники дохода, «продавали» таким школам аккредитацию и лицензирование; закрывали глаза на вопиющие нарушения в их деятельности, не принимали мер к откровенно асоциальным подросткам, не реагировали на многочисленные жалобы родителей и педагогов.

Организационная ликвидация неуспешных школ (а не причин их неуспешности!) подспудно решает и проблемы многочисленных родительских жалоб, а также темных пятен (даже после соответствующей «работы» с показателями) в официальной чиновничьей статистике.

В образовательных «холдингах» неуспешные дети не смогут подтянуться до общеобразовательного уровня в силу своего, как правило, глубокого социально-психологического, личностного, интеллектуального отставания от сверстников. *Им нужна специальная, адаптивная, коррекционная педагогика.* Естественно, в погоне за премиями и грантами, псевдовысокими показателями и статусным брендом образовательные комплексы, в большинстве своем, классы коррекции не откроют. Тем более в условиях закона о «подушном финансировании».

Конечно, в условиях огромных школ слабые и запущенные дети, в определенной мере, «растворятся» в общей массе, и ряд наиболее уродливых явлений их прежних учебных заведений внешне не будет бросаться в глаза. Но, с другой стороны, попав в общеобразовательные классы, такие ученики, не готовые к новым, завышенным для них требованиям, как я уже отмечал, будут тянуть основную массу школьников за собой назад. Педагогический, в том числе зарубежный, опыт демонстрирует, что стратегии, которые используются сильными школами, не подходят для слабых в силу культурных, социальных, ресурсных и других причин¹³.

В настоящее время аргумент о слабых школах как предпосылке их вхождения в более сильные уже не является основным. Наоборот, в условиях «сплошной объединивки» педалируется тезис о примерно одинаковом уровне образования во всех ОУ¹⁴, а значит, школы сливаются в единый конгломерат с равными стартовыми возможностями. За основу подобных рассуждений чиновники берут показатели сдачи ЕГЭ по школам и наличие во многих из них призеров олимпиад.

Но уже давно ясно, что ЕГЭ нельзя считать объективным показателем знаний учащихся, а сама процедура его сдачи проходит с многочисленными нарушениями (в том числе и для появления «нужной» отчетности). Что касается победителей и призеров окружных, а тем более городских, всероссийских олимпиад, то их подавляющее большинство представляет продвинутые лицеи, гимназии и школы для одаренных детей.

Даже если бы не было разноуровневых школ в рамках общеобразовательных учебных заведений, появившихся благодаря «реформам» на nive образования, как можно считать «примерно одинаковыми», то есть с примерно одинаковым уровнем образования, учреждения для одаренных детей и детей-инвалидов, гимназии и спецшколы для детей с девиантным поведением?! *Манящая экономия купюр затмевает чиновникам разящие отличия этих школ во всем: социальном контингенте учащихся и уровне преподавателей, мотивации и личностных возможностях обучающихся, целях и задачах обучения, учебных планах и программах, методиках и формах работы, психологических особенностях детей и культурных традициях школ...*

Что касается основной массы общеобразовательных школ, то их пополнение мотивированными, сильными учениками нивелируется появлением в значительно большей пропорции детей слабых и педагогически запущенных. Но главное здесь, на

¹³ Вальдман И. А. Поддержка сильных и забвение слабых: не пора ли менять приоритеты? // Народное образование. 2012. № 5. С. 36–43.

¹⁴ См., напр., позицию заместителя начальника управления координации деятельности департамента образования г. Москвы А. Гаврилова // <http://www.novayagazeta.ru/society/56165.html>

мой взгляд, заключается даже не в этом. Именно большинство «средних» общеобразовательных школ станет площадкой для объединения и, следовательно, примет на себя основную организационную нагрузку и последствия этого процесса.

Управление сегодняшней школой, заточенное под формально-демонстрационную деятельность и перерабатывающее ворох всевозможной ненужной документации, уже сейчас практически лишено возможности ведения всесторонней образовательной и воспитательной работы. Несомненно, при появлении «холдингов» с несколькими тысячами учащихся и зданиями, разбросанными по округу, такая возможность сузится до минимума. О какой реальной педагогической деятельности может рассуждать, когда на первый план выйдут элементарные вопросы *управляемости* таких комплексов. Ведь речь идет об объединении образовательных учреждений (в том числе дошкольных) с разными образовательными программами, контингентом учащихся и педагогов. Да еще – при общем неминуемом сокращении школьных работников.

Возникают элементарные организационные вопросы: как директору осуществлять контроль, мониторить учебный процесс, наконец, просто поддерживать контакт с педагогами, если все достигло гигантских, необъятных (в прямом смысле этого слова) масштабов?! А удобно ли ученикам, допустим, начальной школы переходить в другое здание, если раньше они тратили на дорогу 5 минут времени, а теперь 30–40 минут?! *В итоге формально-организационная составляющая учебного процесса окончательно подчинит себе его педагогическое содержание.*

Проблемы массовых школ коснутся и относительно сильных образовательных заведений. Кроме того, учащиеся таких школ, в силу схожести контингента, столкнутся с теми же негативными тенденциями, что и ученики гимназий и лицеев.

Заключение

Конечно, все обозначенные последствия слияния школ – дело не одного дня и даже не одного года. Как отметил член-корреспондент РАО А. М. Абрамов по поводу закона «Об образовании», «для того, чтобы этот закон начал действовать и принести активный вред, нужно время»¹⁵. Это замечание применимо и к реорганизации. Подобно радиации, негативный эффект этого действия будет накапливаться постепенно. Главной задачей властей на данном этапе было продавить реорганизацию и закрепить ее юридически. Конкретная же тактика реализации этих замыслов может варьироваться в зависимости от общей ситуации в стране и соотношения сил вокруг каждой конкретной школы, корыстных намерений чиновников, их организационных возможностей и пропагандистских задач.

¹⁵ Цит. по: Шабаева Т. Просьба не сохранять дистанцию // Литературная газета, 26 декабря 2012.

Негатив этого процесса заключен не в реорганизации (объединении) учебных заведений как таковой. В отдельных случаях она вполне приемлема и даже обоснована. Вред слияния заключен, во-первых, в его массовом, насильственном характере, а во-вторых, в уничтожении при этом специфики различных образовательных учреждений, отражающей специфику их учащихся. Таким образом, опасность реорганизации детерминируется ее направленностью, формами и содержанием, которые существенно ухудшат образовательную среду в целом.

При всей пагубности политики слияния и укрупнения ОУ *она абсолютно логична и адекватна целям, задачам и содержанию сегодняшнего российского образования; его философии, нравственной составляющей, месту в системе общественных отношений.* «Прикладное» (в смысле направленности на обслуживание «элиты»), бессодержательное, идеологизированное образование не нуждается ни в серьезных государственных вложениях, ни в учете индивидуальных особенностей детей. Поэтому реорганизация – это очередной, более весомый, но вполне объективный этап на пути завершения формирования данной образовательной модели.

И, наконец, последнее. Бытует заблуждение, что объединение, при всех своих отрицательных последствиях, делает одно хорошее дело: ликвидирует как плохие, так и элитные школы – и, таким образом, восторжествует социальная справедливость, когда среднее образование станет равным для всех.

Однако в условиях вопиющего социального неравенства и дальнейшей коммерциализации образования ни о каких равных возможностях для детей из разных социальных слоев рассуждать не приходится. В рамках введения «платных образовательных услуг» у детей обеспеченных родителей всегда есть возможность получить дополнительные часы по предметам. Именно на такой основе учащиеся будут объединяться в группы и классы (формально – по профильной направленности, реально – по материальным возможностям, ибо за все, что дается сверх образовательного минимума, надо платить).

Кроме того, закон «Об образовании» не запрещает создавать специализированные школы с малой наполняемостью классов и особыми индивидуальными учебными планами. Не запрещает, но и не обязывает государство их финансировать. Поэтому понятно, в каких случаях и для чьих детей такие ОУ смогут функционировать. Помимо этого, есть частные школы с относительно высоким уровнем преподавания (которых в условиях деградации бюджетных образовательных учреждений будет все больше). Если раньше наличие специальных, более благоприятных условий для обучения хотя бы частично обуславливалось способностями, мотивацией и возможностями детей, то теперь практически полностью – благосостоянием их родителей.

Средний уровень современного школьного образования сам по себе чрезвычайно низок. По оценке специалистов, сегодня знания бакалавра – на уровне старше-

классников 60-х годов прошлого века¹⁶. Годы всеобъемлющих «реформ» не прошли бесследно. И теперь современные школьники в разы слабее практически по всем показателям своих сверстников 60–80-х годов. Поступление в школу не маркируется личностными новообразованиями (развитием памяти, внимания, усидчивости и проч.). У современных детей налицо изменение мотивационной сферы в направлении снижения познавательных мотивов и интересов, любознательности и любопытства, повышения значимости потребительских интересов. Время «почемучек» сменилось временем интеллектуальной вялости, пассивности, апатии¹⁷. По данным авторитетного международного исследования PISA на 2009 г., по уровню читательской грамотности подростков Россия занимает 41–43 места. 27% российских школьников не достигли минимального уровня читательской грамотности, 29% – математической грамотности, 22% – естественнонаучной.¹⁸

Поэтому создание в 90-е годы лицеев, гимназий и других типов специализированных школ, по большому счету, что бы ни декларировалось в официальных документах, было попыткой не конструирования элитного образования, а сохранения достойного, приемлемого уровня образования *среднего*. (Хотя, конечно, часть этих специализированных школ одновременно подняла образовательную планку и на более высокую ступень.) Таким образом, нынешняя унификация образовательных учреждений не только уничтожает то положительное, что было создано в 90-е – начале нулевых годов (в плане относительной демократичности и вариативности учебного процесса), но и сводит школы к единому *низкому* знаменателю.

¹⁶ См.: Лемуткина М. Стандарт учителя не изнасилует // Московский комсомолец, 21 января 2013.

¹⁷ Карабанова О. Психологические особенности детей XXI века // <http://prosvpress.ru/2011/01/psihologicheskie-osobennosti-detey-xxi-veka/>

¹⁸ Народное образование. 2012. № 1. С. 163; № 5. С. 37.
